

Салфетка, пропуская тепло кончиков пальцев, коснулась уголка губ Янь Жунцю, слегка задев мягкие губы. Кожа Янь Жунцю была фарфорово-белой, без кровинки, губы — нежно-розовыми, и от одного такого прикосновения их цвет стал заметно ярче и чувственнее.

— Готово.

Не дав Янь Жунцю опомниться, Хэ Чжу уже выпрямился и направился с подносом на кухню.

Снова эта внезапная, полностью игнорирующая личные границы выходка.

Янь Жунцю машинально прикусил губу, пытаясь стереть оставшееся на ней ощущение и тепло.

Не нравится, но и не раздражает. Если списать такое поведение Хэ Чжу на досконально внимательное отношение к работе, оно даже становится понятным.

Однако «не нравится» и «не раздражает» — не взаимоисключающие понятия. Каждый раз будто невидимая паутинка неожиданно дергает за струны его сердца, заставляя его сбиться с ритма, пусть и ненамного.

У дивана напольные часы отбивали четкий, мощный ритм маятника.

Янь Жунцю обернулся и с удивлением обнаружил, что это были часы Hermle с девятью трубками — лучшие в мире напольные часы.

Что еще интереснее, лунный диск на этих часах был выполнен не в виде обычной системы Земля-Луна, а оригинально изображал цикл смены фаз с помощью паутины и паука, представляя собой столь изысканное и сложное произведение, что его можно было принять за предмет искусства.

Как известно, семья часовщиков Hermle из немецкого Шварцвальда гордится верностью традициям и почти никогда не принимает индивидуальные заказы клиентов, не говоря уже о столь радикальных изменениях. Ради этого великолепного творения Хэ Чжу, вероятно, пришлось потратить немало сил и денег.

Свет мягко падал на странный и загадочный лунный диск, отражаясь ослепительным золотым сиянием, словно тот круглый паук с инкрустированным рубином был маленьким хранителем этого дома.

Янь Жунцю прищурился.

Он помнил, что когда впервые увидел Хэ Чжу, на его костюме были запонки и заколка для галстука в виде маленьких пауков.

Не может быть.

Такое... Разве возможно?

— Господин Янь.

Хэ Чжу поставил на журнальный столик тарелку с нарезанными яблоками в форме кроликов и, заметив, что Янь Жунцю задумчиво смотрит на лунный диск часов, слегка углубил взгляд.

— Кажется, вы очень им заинтересованы.

— Пожалуй, немного.

Янь Жунцю повернул голову, и в его ясных, контрастных глазах заиграл острый и чистый свет.

— Хэ Чжу, я хочу задать тебе вопрос.

Хэ Чжу поправил очки — движение было беззаботным и обычным, но его слегка дрожащие пальцы выдавали волнение.

— Хм.

Увидев редкую нотку нервозности в Хэ Чжу, Янь Жунцю еще больше утвердился в своей догадке.

Он встал, уставился на Хэ Чжу и четко, слово за словом, спросил:

— Ты что, до сих пор веришь в ту легенду о паучьем амулете?

Хэ Чжу всего на несколько лет старше его, они одного поколения, и все, что было популярно в студенческие годы, наверняка известно и Хэ Чжу.

При этой мысли уголки губ Янь Жунцю дрогнули, наметив слабую улыбку. Не ожидал, что такой человек, как Хэ Чжу, может быть так упорен в таких странных вещах.

Даже как-то наивно и мило.

— Верно.

В воздухе растаял слегка приподнятый, хриловатый звук, оставив после себя мгновение тонкого молчания.

Янь Жунцю почувствовал, как перед глазами потемнело: Хэ Чжу шагнул вперед, будто намереваясь полностью затмить его своей фигурой.

— Это рассказал мне один мой друг, и я всегда глубоко верил в это.

Торжественный и серьезный голос, почти с оттенком исповедальной искренности, тяжело разлился в воздухе, заставляя барабанные перепонки Янь Жунцю слегка вибрировать.

Он молча кивнул.

Хотя эта легенда была еще более нелепой, чем «Избиение Линь Юймина у входа в интернет-кафе Цзиньчжуна» или «Перешлите это сообщение в пять чатов в день рождения Ма Хуатэна и получите Q-коины», наверняка были люди, которые, как и Хэ Чжу, находили в ней утешение и даже спасение.

Возможно, среди них был и младший брат Хэ Сюня, Хэ Ваньчжи.

В этот момент из спальни неподалеку донеслись тихие звуки — должно быть, проснулся Янь Синьсин. Янь Жунцю и Хэ Чжу вместе вошли в комнату и увидели, что Юань из клейкого риса лежит на кровати, радостно играя с пушистым беленьким щенком. Кругленький, пухленький и лохматый щенок, похожий на комочек снега, забавно контрастировал с мягкой кудрявой головкой Юаня из клейкого риса — похоже, они уже стали друзьями.

— Сахарная Вата, ты опять убежала.

— Гав! — Сахарная Вата твякнула на Хэ Чжу, не проявляя ни капли раскаяния.

— Так тебя зовут Сахарная Вата, — протянул свою маленькую пухлую ручку Янь Синьсин и нежно погладил ее по головке.

— Ау-у. — Сахарная Вата покачала головкой с розовым бантиком, затем спрыгнула с кровати, полностью проигнорировав протянутые к ней руки Хэ Чжу, покорно подбежала к ногам Янь Жунцю, встала на задние лапки и, виляя коротеньким хвостиком, стала проситься на руки:

— Гав-гав!

— Привет, Сахарная Вата. — Янь Жунцю присел на корточки, взял ее мягкую лапку и торжественно пожал, совершенно не осознавая, что обнажил свою длинную, изящную шею в поле зрения Хэ Чжу.

Чистая и белая, достаточно было взглянуть, чтобы представить себе прохладное, фарфоровое прикосновение.

Этот человек, казалось, возвел вокруг себя тысячи невидимых барьеров, но при этом оставлял крошечные незащищенные бреши, бессознательно смущая разум.

Просто смертельно.

— Что ж, нам пора. — Янь Жунцю взял на руки Янь Синьсина. — Спасибо, что присмотрел за Сяосинем.

— Не за что. — Хэ Чжу проводил их до двери. Его длинные ноги, обычно делающие два шага за один обычного человека, вдруг замедлились.

— До свидания, дядя плохой человек. — Янь Синьсин помахал ему своей маленькой ручкой, его большие черные глаза моргали, делая его похожим на прекраснейшую куклу.

Сердце Хэ Чжу смягчилось и согрелось, ему очень хотелось снова как следует обнять его.

— Я могу приходить сюда играть с Сахарной Ватой? — спросил Янь Синьсин.

— Конечно, в любое время.

Лишь когда свет фар исчез вдалеке на дороге, Хэ Чжу развернулся и вошел в дом. Он быстро прошел через пустую гостиную, по пути снял очки и бросил их на журнальный столик, затем зашел в ванную и открыл кран.

Вода хлынула мощной струей, быстро смывая пену с головы и тела. Хэ Чжу накинул халат, вытер свои мокрые вьющиеся черные волосы и включил аудиосистему McIntosh в углу комнаты.

Мелодия «Сонаты “Весна”» сразу же полилась, словно ласковый весенний ветер, разрывая одиночество и тишину, которые наполняли комнату и были для него невыносимы.

Открыв ящик, Хэ Чжу осторожно достал фотоальбом и в очередной раз перелистал несколько хранящихся в нем фотографий.

Когда мать была жива, она не оставила много следов своего существования в этом мире; после ее смерти все, что было с ней связано, было ненавистно и избегаемо, как вирус, и быстро уничтожено. Лишь эти несколько фотографий отец тайно сохранил от деда, и они стали единственным сокровищем, позволяющим ему помнить о матери.

Пластиковая пленка фотоальбома слегка поблескивала, смутно отражая невероятно красивое мужское лицо, настолько очаровательное, что оно, казалось, источало легкое сияние.

Эти черты лица унаследовали превосходную внешность женщины на фотографии — но полностью лишились мягкости, а в глазах и выражении лица лежала тяжелая, нерассеивающаяся суровость и холодность.

Хэ Чжу закрыл альбом, но не убрал его, а лишь прижал к груди.

В этот момент он вдруг очень захотел, чтобы Янь Жунцю был здесь. Не нужно было ничего говорить, ничего делать — просто побыть с ним немного, хоть совсем чуть-чуть, и этого было бы достаточно.

На следующей неделе наконец-то стартовал второй сезон «Дневных игр, ночных прогулок», и после выхода в эфир на одном из телеканалов и основных потоковых платформах он получил гораздо более горячий отклик, чем ожидалось.

Конечно, хотя это шоу действительно хорошо снято и обладает терапевтическим эффектом, его огромный успех в большей степени обусловлен собственной популярностью участников. Какой бы красивой ни была деревенская природа, она не может сравниться с привлекательностью красивых лиц.

Среди них особенно красивый генеральный директор Янь, благодаря ослепительному ореолу «крутого босса» и контрасту с его упрямой серьезностью, завоевал множество новых поклонников.

[Такое ощущение, что генеральный директор Янь участвует в «Проекте “Перевоспитание”»...]

[Ответ: Он так старается, будто участвует в «Выживании в дикой природе» два хаски]

[Все остальные изо всех сил работают на публику, а генеральный директор Янь только и делает, что поливает и пропалывает сорняки, ха-ха-ха-ха-ха]

[И-и-и, генеральный директор Янь, хватит копать землю, лучше придите покопаться во мне слезы]

[Ответ: Хватит уже распускать нюни, даже железная клетка не удержит тебя, водяную курицу пока-пока]

[Ответ: Опять началось.jpg]

<http://bllate.org/book/15591/1388548>